

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ИНСПЕКЦИЯ И ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ГОСАППАРАТА В СИБИРИ В 1920 г.

Раскрывается роль рабоче-крестьянской инспекции в процессе организации и становления советского государственного аппарата Сибири в 1920 г. Рассматриваются условия и результаты деятельности рабоче-крестьянской инспекции по контролю за работой советского государственного аппарата в Сибири в 1920 г.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская инспекция; ревизии; государственный аппарат.

Проблема совершенствования работы различных звеньев государственного аппарата является в настоящее время актуальной. Руководство страны стремится улучшить формы и методы контроля за его деятельностью. В данной связи важно обратиться к опыту первых лет советской власти, когда происходило становление нового контрольного аппарата. Этим контрольным органом была рабоче-крестьянская инспекция (РКИ), образованная в феврале 1920 г. на основе слияния государственного контроля с рабочими инспекциями, представлявшими собой общественный институт контроля за деятельностью предприятий.

РКИ должна была контролировать осуществление декретов и постановлений советской власти во всех областях хозяйства и государственного управления; следить за целесообразным их применением и проверять деятельность всех органов советской власти с точки зрения достигнутых ими результатов; осуществлять постоянный контроль над всеми организациями и предприятиями (предварительная ревизия, фактическая ревизия, последующая ревизия); бороться с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях. Советское руководство считало, что поставленные перед РКИ задачи могли быть успешно выполнены только при условии вовлечения в дело государственного контроля широких народных масс, что одновременно должно было подготовить их к работе в государственном аппарате [1. С. 103–107].

Данная проблема в интересующий нас период была затронута в отдельных научных работах. Эти работы были опубликованы в середине 60-х – начале 70-х гг. XX в. [2. С. 49–69; 3. С. 3–32]. Учитывая специфику общественно-политической жизни, в этот период некоторые аспекты, связанные с оценкой эффективности нового государственного аппарата, не могли быть затронуты. Создание советской системы управления в Сибири начинается в середине ноября 1919 г. и в основном завершается к весне 1920 г. В данный период создаются советские учреждения и хозяйственные организации губернского масштаба на обширном пространстве от Омска до Иркутска. Организация советского аппарата управления в Сибири проходила в условиях Гражданской войны и отсутствия регулярной связи с Центральной Россией. Советские работники, не получив подробных инструкций из центра, сами определяли структуру учреждений. Квалифицированных работников катастрофически не хватало, и поэтому учреждения заменяли качество количеством. Создание губернских органов государственного контроля, преобразованных затем в рабоче-крестьянскую инспекцию, завершилось в феврале 1920 г.

В первые два-три месяца основные силы ревизионных учреждений были задействованы на работе в учет-

но-реквизиционных комиссиях. Представители госконтроля, а затем рабоче-крестьянской инспекции входили в состав всех учетно-реквизиционных комиссий. Например, только в Енисейской губернии таких комиссий было 312. Эта работа в основном была завершена весной 1920 г., и рабоче-крестьянская инспекция направляла освободившиеся контрольные силы на ревизию учреждений. Главное внимание уделялось работе губернских аппаратов. Начав проверки, рабоче-крестьянская инспекция обнаружила отсутствие в большинстве организаций хозяйственных планов, слабость хозяйственно-счетного аппарата, постоянную смену руководителей отделов и управлений [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 5, 9; Ф. Р-241. Оп. 1 Д. 61. Л. 427].

Наиболее крупными по своему значению и задачам в системе советских учреждений Сибири были Советы народного хозяйства (СНХ), поэтому сюда РКИ направляла лучших работников. Уже первые ревизии показали, что структура этих учреждений способствует бюрократизации, отделы зачастую дублируют работу друг друга. В количественном отношении губернские СНХ были насыщены больше, чем нужно, но квалифицированных работников почти не было. Отсутствие специалистов особенно негативно отразилось на состоянии отчетности и счетоводства. По данным инспекторских обследований, в этой области во всех губернских СНХ наблюдался хаос, что крайне затрудняло работу инспекторов РКИ [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 9].

Отчетные данные Сибирского и губернских отделений РКИ свидетельствовали, что сибирские СНХ не справлялись с поставленными перед ними задачами. В ходе проверки центрального органа Сибсовнархоза обнаружилось, что в большинстве его отделов процветает бумажная волокита. Связь Сибсовнархоза с местами была чрезвычайно слаба, поэтому губернские СНХ вынуждены были строить свою работу методом проб и ошибок. По сообщениям Енисейской губРКИ, основным недостатком с ревизионной точки зрения в деятельности совнархоза была ненадежность отчетно-бухгалтерского аппарата; не везде были заведены бухгалтерские книги, материальная отчетность в ряде отделов отсутствовала; расценок на многие материалы не было, что не позволяло установить расценку оборотов материального имущества.

Что же касается существа работы губернских СНХ, то на основе отчетных данных местных отделений РКИ можно сделать вывод, что они очень часто использовали приемы, которые при существующей в 1920 г. системе государственного устройства считались нецелесообразными. Так, Томский СНХ, не сумев своими силами организовать приобретение и обработку сырья в полуфабрикаты, стал широко использовать систему

подрядов. Договоры, которые заключал СНХ, очень выгодные для контрагтера, не гарантировали ни обязательности, ни срочности выполнения условий договора. Услугами подрядчиков Томский СНХ пользовался во всех случаях массовых заготовок и наиболее крупных работ. Характерный пример – заготовка леса через контрагента. Учета и проверки операций на местах заготовки СНХ не проводил, он пользовался лишь сведениями, получаемыми от контрагента, и на их основе осуществлял финансирование. Обследовав ход заготовок леса в ряде районов, Томская РКИ установила, что СНХ о многих заготовках не знал, пока его не известила РКИ. В ходе этого обследования также выяснилось, что гублеском не осведомлен даже о том, где и сколько у него трудятся рабочих. Томское отделение РКИ установило постоянное несоответствие актов учета с наличием, а между тем отсутствие надлежащего учета не только открывало широкое поле для всякого рода хищений и злоупотреблений, но и тормозило работу производственных отделов СНХ и других организаций. Не получив материалы на складах СНХ, они вынуждены были закупать их на рынке по спекулятивным ценам [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 10, 10об.].

Одними из причин невыполнения планов по заготовкам леса, по мнению Томской РКИ, были параллелизм в организации заготовок и отсутствие координации. Так, например, в одних и тех же районах вели заготовки леса Сибуголь, коммунотдел, СНХ, Судженско-Анжерское рудоуправление и хозяйственные части Пятой армии. Начальник Пятой армии, пользуясь преимуществами военной организации, забирал в свое распоряжение склады, инструменты и материалы, заготовленные гублеском для своих нужд, нарушая плановость работ последнего. В результате параллелизма лесных заготовок цены выросли во второй половине 1920 г. на 300%, а население и производственные предприятия испытывали острую нехватку топлива. В отчетах Тюменского отделения РКИ приводятся целый ряд характерных примеров, показывающих бесхозяйственность в действиях учреждений СНХ, сопряженную с огромным материальным ущербом [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 10об., 11].

Омское отделение РКИ получало жалобы, в которых учреждения СНХ обвинялись в крайней волоките, граничащей с преступной небрежностью: так, например, срочный заказ отдела металлов по изготовлению винта для мельницы не выполнялся в течение месяца из-за отсутствия рукавиц у кузнеца. Обследование кожевенных заводов в г. Красноярске выявило дефекты, присущие и другим предприятиям СНХ: отсутствие правильного счетоводства и отчетности; полная бесхозяйственность в действиях, напрямую влияющая на производительность предприятий; в складских помещениях отдела кож обнаружено хаотическое состояние материалов. Администрация предприятия не имела представления, где, сколько и какие материалы у нее хранятся. При обследовании лесных заготовок Красноярским отделением РКИ были установлены бессистемность и бесхозяйственность в их проведении. На экстренном заседании, созванном по инициативе Енисейской РКИ, были намечены пути по устранению недостатков в работе лесозаготовительных организаций. Не-

разбериха в счетоводстве и бесхозяйственность выявлены в ходе обследования лесопильных заводов. Подобные же картины с небольшими отступлениями и добавлениями, по сообщениям Енисейского отделения РКИ, наблюдались при ревизии всех местных подотделов СНХ: бесхозяйственность, бестолковое ведение дела, отсутствие правильно поставленного счетоводства и отчетности [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 11, 11об.].

По сообщениям Алтайской РКИ, положение дел в местном СНХ не многим отличалось от положения в Омском, Томском и Енисейском СНХ. В отчетном докладе Алтайской РКИ, кроме того, отмечалось стремление многих госучреждений отгородиться от других, что вело к межведомственному антагонизму. Аппарат Алтайского СНХ был настолько слаб, что Алтайская РКИ, несмотря на нехватку сотрудников, была вынуждена путем фактической ревизии провести учет имущества губернского финансового отдела, коммунотдела, губпродкома, гублеса и ряда других организаций и учреждений на местах. Усилиями РКИ при губернском СНХ была организована расценочная комиссия, работами которой было положено начало оценки имущества и инвентаря [2. С. 60–61].

Стремление помочь правильно организовать работу, предотвратить ошибки или злоупотребления побуждало отделение рабоче-крестьянской инспекции, несмотря на слабость своих собственных сил, вводить параллельно с фактической и предварительную ревизию. Однако в отношении денежных расчетов эта ревизия не давала существенных результатов, так как большой процент расходов, доходящий в некоторых инспекциях до 90%, оставался под условным согласованием, и, следовательно, оценка правильности проведенных расходов отлагалась до последующей ревизии, что при уровне квалификации органов РКИ в 1920 г. было равносильно «откладыванию в дальний ящик». Таким образом, лишь 10–20% предстоящих расходов инспекцией либо безусловно утверждались, либо безусловно запрещались. Из докладов Иркутского отделения РКИ за 1920 г. видно, что из пропущенных в течение июля через предварительную ревизию денежных требований местного СНХ на сумму 50 млн руб. 49 млн было отложено до последующей ревизии. По Томскому отделению за период времени с 16 января по 1 августа 1920 г. проверено 11 413 платежных документов на сумму 394 млн руб., из которых отложено до последующей ревизии 349 млн. Сравнительно успешнее шла предварительная ревизия по Алтайскому отделению, где за период с 1 марта по 1 сентября из 370 млн руб. отложено до последующей ревизии 157 млн. Енисейское же отделение по причине недостатка в сотрудниках не смогло организовать в подотчетных организациях предварительную ревизию, несмотря на крайнюю в ней необходимость [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 9об.].

В результате контрольно-ревизионной деятельности РКИ удалось обнаружить в аппаратах СНХ массу злоупотреблений и хищений. Часть служащих была уволена, некоторые предстали перед Ревтрибуналом. Однако существенного улучшения отчетности и счетоводства добиться не удалось, а ведь именно это и создавало благоприятную среду для злоупотреблений и хищений. Острая нехватка в РКИ опытных контроль-

ных работников и новизна для старых квалифицированных специалистов новой системы управления не позволили РКИ решить главную задачу, которая перед ней была поставлена, – выяснение конкретных мер и путей улучшения деятельности СНХ. Особое внимание, учитывая важность снабжения городов и армии продовольствием в период войны, Сибирская рабоче-крестьянская инспекция уделяла продорганам.

По сообщениям Омского отделения РКИ, местный губпродком работал без налаженного аппарата, дело-производство, отчётность, бухгалтерия и учёт находились в беспорядочном состоянии. Губпродком не имел даже утверждённой операционной сметы, так как дважды составленный им проект сметы губРКИ возвращала для исправления. Отделы губпродкома вместо совместного делового обсуждения устраивали переписку в пределах одной комнаты. Бумажная волокита, несвоевременное принятие необходимых мер приводили к порче продуктов. В ходе проверок губРКИ установила, что с января по июль 1920 г. на складах губпродкома было испорчено или забраковано более 56 тыс. пудов продуктов. Плохое инструктирование и неудачный состав посылаемых на заготовки агентов также приводили к порче продуктов. При заготовке в Омской губернии их порча достигала 40%. Отмеченные факты РКИ были зафиксированы, и дела на наиболее недобросовестных работников были переданы инспекцией в судебные органы [4. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 11, 12; 6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 25. Л. 12, 13].

При ревизии Омской губРКИ губраспреда было обнаружено, что планы утверждаются без предварительного ознакомления с теми ресурсами, которые необходимы для их реализации, и поэтому получается, что наряды выписаны, а на складах товаров нет. На протяжении нескольких месяцев отделу РКИ пришлось вести борьбу с единоличными выдачами предметов первой необходимости, создавать комиссии, категорически запрещающие это. Лишь к ноябрю 1920 г. удалось в основном решить данную проблему [6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 25. Л. 12, 13].

Аналогичную характеристику деятельности местных продорганов давало Томское отделение РКИ. Официальных норм утруски и усушки продуктов не было установлено, что способствовало хищениям. Лишь после неоднократных указаний инспекции эти нормы были определены. Особенно безобразно осуществлялась заготовка молока и мяса. Объявив об обязательной сдаче молока по одной бутылке с коровы, заготовительные органы не смогли организовать правильной приёмки и хранения. Сдатчики простаивали по несколько часов, и молоко скисало (40% всей сдачи). Учреждения, нуждавшиеся в молоке, его не получали, поскольку не было плана распределения. С мясом дело обстояло ещё хуже. Развёрстка мяса началась в июле 1920 г. Не были подготовлены пастбища, загоны, скот ночью уходил и часто пропадал. Пастухи, привлечённые для работы, не имели одежды и обуви. Скот тощал, его стали забивать и солить, не соблюдая технологии, что приводило к порче мяса. На бойне внутренности оставались без засола до пяти дней и поступали в общественные столовые испорченными настолько, что их отказывались принимать. Томское РКИ передало мате-

риалы о действиях ряда должностных лиц заготовительных органов в губревком [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 12, 12об., 13; 6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 14а. Л. 27].

Фактическая ревизия складов губпродкома Алтайским отделением РКИ также обнаружила хаотичное состояние хранения продовольствия, порчу тысяч пудов продуктов и фуража. О беспорядке на складах продорганов сообщали Новониколаевское и Иркутское отделения РКИ. Минусинский отдел заготовок выпустил циркуляр, на основании которого крестьяне должны были сдавать скотские и свиные туши весом не менее четырёх пудов. При недостатке в туше нескольких футов она возвращалась крестьянам. В результате продразвёрстка по мясу выполнена не была. По требованию РКИ этот циркуляр был отменён [5. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 199. Л. 16; 6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 34].

Таким образом, все местные отделения РКИ в ходе проверок продорганов обнаружили, что материальная отчётность не позволяет выяснить наличие продуктов и материалов. Обстановка на складах продорганов способствовала гибели продуктов и создавала благоприятные условия для их хищения. Рабоче-крестьянская инспекция в ходе проверок требовала исправить недостатки. Во всех случаях обнаружения злоупотреблений и бесхозяйственности материалы проверок передавались в губревкомы, ревтрибуналы и губчека. Несмотря на большие усилия РКИ, значительных улучшений в работе местных продорганов в 1920 г. не произошло.

Наиболее обстоятельно Сибирская РКИ осуществляла ревизионное наблюдение за деятельностью центрального продовольственного органа Сибири – Сибпродкома. Осенью 1920 г. группа инспекторов РКИ произвела всестороннее ревизионное обследование его деятельности. Сибпродком был создан в феврале 1920 г. на правах продовольственного отдела Сибревкома. Образование Сибпродкома было обосновано отдалённостью Сибири от центра, её особенностями. Главной задачей Сибпродкома были координация и наблюдение за действиями местных продорганов. По мнению Сибирского отделения РКИ, Сибпродком со своими задачами справлялся очень плохо. Инструктирование подведомственных организаций его отделами не осуществлялось, не проводилось фактического наблюдения за работой продовольственных баз. Одной из главных причин, препятствующих нормальной деятельности Сибпродкома, был огромный недостаток в подготовленных сотрудниках, достигающий в некоторых его отделах 80% от потребности [6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–10].

Центральной задачей продовольственных органов в данный период была организация проведения продразвёрстки. Эту работу Сибпродком и местные продовольственные органы выполняли плохо. Сибпродком сообщил в центр данные для проведения обложения, опираясь на статистический материал 1918 г. и более ранних годов, не проведя сбора сведений о посевной площади, количестве скота и т.д. В результате на Сибирь была возложена продразвёрстка в размере 110 млн пудов хлеба, 6 млн пудов мяса, которая была нереальной в связи с резким уменьшением за последние годы урожайности, посевных площадей и поголовья скота.

Сообщив неверные данные об урожайности в центр, Сибпродком механически распределил полученные из центра задания по губерниям. В Томской губернии план продразверстки был настолько нереален, что волости, отдав последнее, не смогли его выполнить. В Томскую РКИ поступали многочисленные жалобы крестьян на действия сотрудников губпродкома, которые вывозили весь хлеб, включая и семенной, оставляя по 1 пуду на едока. Среди жалобщиков были и родители красноармейцев. Репрессии вызвали восстания крестьян, последовали их подавление и жестокие расправы с повстанцами. В результате проведения продразверстки в Томской губернии в следующем 1921 г. посевная площадь главных продовольственных хлебов сократилась на 38% [6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 14а. Л. 27, 67; Д. 30. Л. 49].

Ошибки Сибпродкома усугублялись действиями губпродкомов. Алтайское, Омское, Иркутское отделения рабоче-крестьянской инспекции сообщали о неправильном распределении продразвёрстки по уездам и волостям. Более высокий сравнительно с посевной площадью план получали те волости, откуда легче было вывезти хлеб.

На результаты продразвёрстки влияла и плохая ее организация: было оборудовано мало приёмных и ссыпных пунктов, отсутствовали пункты для остановки обозов с продовольствием. Действия заготовителей были плохо согласованы, а исполнители и руководители плохо подготовлены. Характерным примером несогласованности действий являлась заготовка сена в Томской губернии. Томский губпродком размежевал территорию губернии с продовольственным отделом Пятой армии. Губпродком начал заготовки, однако руководство Пятой армии потребовало передать им дополнительно ряд волостей, а затем от них отказалось. Крестьяне, видя обилие приказывающих лиц, в конце концов перестали выполнять какие-либо распоряжения. Заготовка сена во многих волостях Томской губернии была сорвана [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 14].

В ходе ревизионного обследования деятельности Сибпродкома рабоче-крестьянская инспекция отметила, что помимо недостатка сотрудников и их низкой квалификации отрицательное влияние на его деятельность оказывают их частые перемещения. Сотрудники, не успев вникнуть в работу, получали другое назначение, а через некоторое время возвращались на прежнюю должность. Обзор переписки Сибпродкома показал, что его сотрудники были плохо ознакомлены с функциями своих учреждений, что создавало волокиту. Проанализировав результаты ревизионного обследования Сибпродкома, Сибирская рабоче-крестьянская инспекция пришла к выводу, что существование этой совершенно ненастроенной организации, задания которой в большинстве случаев не осуществлялись и оставались лишь на бумаге как отдельного областного органа, нецелесообразно. Деятельность многочисленного аппарата Сибпродкома, который очень дорого обходился казне, сводилась в основном к распределению и передаче на места заданий центра, и делалось это с большой задержкой ввиду отсутствия регулярной связи как с центром, так и с местами [6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 10, 10об.].

При ревизии отделений милиции сотрудники РКИ помимо плохого состояния отчётности очень часто сталкивались с прямыми злоупотреблениями. Томское отделение РКИ сообщало о раздаче администрацией милиции своим сотрудникам вещей и продуктов, изъятых у арестованных. Женщины и мужчины помещались в одну камеру. Были отмечены факты грубого насилия милиционеров над арестованными. Омская железнодорожная милиция распределяла между сотрудниками масло, отобранное у проезжающих пассажиров, так же поступали с одеждой и обувью. В действиях отделений милиции не было признаков какой-то системы. Во главе отделений милиции ставились люди, не имеющие никакого административного опыта и знаний, некоторые отделения возглавляли малограмотные. Сотрудников очень часто перемещали, не редкостью был и самовольный уход с работы. Инвентарные книги не велись повсеместно, отсутствовала регистрация отобранного имущества, в большинстве отделений оно расхищалось или просто распределялось между работниками милиции [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 4об., 15; 6. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 25. Л. 18]. Массовые беззакония со стороны органов, призванных стоять на страже правопорядка, дискредитировали советскую власть. Ревтрибуналы по докладам РКИ принимали суровые меры в отношении рядовых сотрудников и руководства отделений милиции вплоть до расстрела, однако переломить ситуацию в 1920 г. не удалось.

Антисанитарное состояние учреждений милиции не составляло исключения. При обследовании РКИ детских приютов, яслей и домов старости выяснилось, что почти все они оказались в грязном и заброшенном состоянии, следствием чего стало распространение чешотки и оспы. Учреждения, обязанные заботиться об их санитарном состоянии, бездействовали и лишь после вмешательства РКИ приступали к исполнению своих обязанностей. Во всех обследованных Омским отделением РКИ учреждений трудсобега обнаружены бесхозяйственность, растраты, хищения и кормление за счёт детей сотрудников и членов их семей. Даже высший медицинский орган края Сибздрав, организовав проведение трудовой недели по приведению в порядок отчётности на подведомственном ему складе, выдал своим сотрудникам в качестве премии какао, сгущённое молоко, сахар, т.е. те продукты, которых не хватало и для больных [4. Ф. Р-4085. Оп. 2. Д. 393. Л. 15, 16].

К концу 1920 г. советская система управления в Сибири была построена, однако качество работы созданных учреждений было очень низким, они не справлялись с возложенными на них функциями. В количественном отношении советские учреждения были насыщены сотрудниками больше, чем это требовалось, но квалифицированных работников почти не было. Недостаток грамотных специалистов препятствовал нормальному функционированию учреждений. Состояние отчётности и счетоводства не позволяло наладить работу учреждений и значительно осложняло деятельность инспекторов РКИ. По большинству учреждений сметы на 1920 г. в отделения РКИ так и не были представлены. Правила о расчётных операциях, о единстве кассы, о предельной сумме аванса не выполнялись первоначально повсеместно. Только в конце 1920 г. после

многочисленных и настойчивых протестов РКИ удалось добиться осуществления этих основных требований финансовой дисциплины. Канцелярская волокита стала одной из характерных черт советских учреждений. Каждый пустяк был сопряжён со значительной перепиской. Для получения любой мелочи необходимо было сначала получить ордер, который затем заменялся требованием для заведующего складом, последний выписывал накладную в трёх экземплярах. В отчётах советских учреждений степень интенсивности работы подкреплялась справками о количестве входящих и исходящих бумаг.

Стремление количеством заменить недостаток в квалифицированных работниках (в Иркутском коммунальном отделе число служащих превышало тысячу человек) оказывало лишь отрицательное влияние на работу сибирских учреждений. Среди множества служащих, подбираемых безо всякой осмотрительности, встречались и люди с низким моральным уровнем, что влекло за собой значительное количество преступлений, злоупотребление служебным положением и небрежным отношением к государственному имуществу. Очень высокой была текучесть кадров. Материальное обеспечение служащих большинства советских учреждений было очень низким, и они при малейшей возможности стремились переходить в учреждения, где оплата труда сотрудников была выше. При анализе работы различных советских учреждений РКИ неоднократно обращала внимание Сибревкома и НК РКИ на громоздкость и чрезмерную величину штатов, на параллелизм в деятельности советских учреждений в Сибири.

Для решения поставленной перед РКИ задачи – контроля и совершенствования работы государственного аппарата – штат сотрудников отделений РКИ был явно недостаточен в количественном и слаб в качественном отношении. Контроль и совершенствование работы государственного аппарата требовали грамотных специалистов, а между тем некоторые губинспекции имели в своём составе лишь несколько опытных инспекторов. Особенно острой была нехватка квалифицированных работников в тех губернских РКИ, где

ранее не было контрольных учреждений – Енисейской, Алтайской. Низкая оплата труда сотрудников РКИ заставляла их искать подработку в других организациях, что негативно отражалось на результатах работы РКИ. Работу затрудняла слабая связь с центром, отсутствие литературы, инструкций и распоряжений центральной власти. Лишь в конце 1920 г. было налажено снабжение отделений РКИ декретами и распоряжениями советского правительства инструкциями НК РКИ.

Отчёты губернских РКИ за 1920 г. свидетельствуют, что инспекции в своих ревизионных действиях зачастую основное внимание уделяли внешней стороне работы подотчётных учреждений, увлекались участием в различных заседаниях, комиссиях. Иногда отделениям РКИ не удавалось настоять на проведении в подотчётных учреждениях нужных мероприятий. По сообщениям Алтайской, Омской, Томской, Енисейской РКИ, их деятельность по установлению предварительной и фактической ревизий нередко встречала недовольство со стороны подотчётных учреждений, и на этой почве возникали трения. Наибольшие трудности появлялись при проведении фактической ревизии в Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Многих сведений по мотивам секретности инспектора РКИ в этой организации не получали.

Анализ результатов ревизии, которую проводили инспекторы РКИ, был нередко крайне поверхностным и сводился, как правило, к перечислению тех недостатков, которые и так были видны. Планов в проведении ревизий не было, и поэтому ревизии очень часто носили случайный характер. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, в пределах своих сил и опыта отделения РКИ вели чрезвычайно напряжённую работу, и если не всегда достаточно углублённую и планомерную, то все же с несомненно положительными результатами. Искреннее стремление помочь в совершенствовании нового государственного аппарата, вовремя вскрыть его ошибки и недостатки, пресечь злую волю отдельных лиц способствовали улучшению и исправлению различных сторон как административной, так и хозяйственной деятельности советских учреждений в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Образование и развитие органов социалистического контроля в СССР (1917–1975 гг.): Сб. док. и материалов.* М: Политиздат, 1975. 622 с.
2. *Анашкин А.П.* Из истории создания и деятельности рабоче-крестьянской инспекции на Алтае (1920–1921 гг.) // *Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства.* Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. Вып. 6. С. 49–69.
3. *Горестов М.А.* Органы рабоче-крестьянской инспекции Сибири в 1920 – первой половине 1921 г. // *Из истории крестьянства Восточной Сибири.* Красноярск, 1966. С. 3–32.
4. *Государственный архив Российской Федерации.*
5. *Государственный архив Красноярского края.*
6. *Государственный архив Новосибирской области.*

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2010 г.

ПРОБЛЕМА РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯНА ДЛУГОША И МАЧЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются мнения отечественных и зарубежных исследователей XIX–XX вв. по вопросу реконструкции летописных источников польских историков позднего Средневековья и эпохи Возрождения, представивших на страницах своих сочинений развернутое описание истории русских земель.

Ключевые слова: польские хроники; летописи; Длугош; Стрыйковский.

Восточнославянские летописные памятники являются наиболее важным источником «русских» известий польских авторов позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Именно они позволили получить представление о политической истории славянского востока, а также значительно дополнить представления средневековых польских анналистов об отношениях Польши и средневековых русских земель. Вместе с тем отношение польских историков конца XV–XVI вв. к летописям не всегда было корректным. Ссылки на русские летописные памятники в польских хрониках являются большой редкостью, заимствованные из них известия зачастую переносились со значительными искажениями, допускались многочисленные ошибки при транслитерировании хоронимов и имен собственных, а также хронологические неточности, обусловленные погрешностями, связанные с переводом дат из летоисчисления «от сотворения мира» в летоисчисление «от Рождества Христова». Отчасти данные недостатки можно отнести на счет плохого знания польскими авторами русского языка, а также опосредованным характером восприятия русских летописных памятников.

Вопросу использования летописей «чисто» русско-го и литовско-русского происхождения польскими средневековыми и ренессансными авторами в качестве источника формирования представлений о прошлом русских земель посвящена обширная литература. Эта проблематика привлекла внимание И. Даниловича, К.Н. Бестужева-Рюмина, Х. Зайсберга, И.А. Линиченко, А. Семковича, А.А. Шахматова, Е. Перфецкого, И.А. Тихомирова, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Улащик, А.И. Рогова, Ю.А. Лимонова, Ю. Раджишевской, Ф. Щелицкого, Б.М. Клосса, Н.И. Щавелевой, А.В. Назаренко и др. Эти ученые выявили объем и структуру заимствованных польскими хронистами сведений по истории средневековых русских земель из летописных памятников различного происхождения. Наибольшее внимание исследователей привлек вопрос заимствований свидетельств из русских летописей в сочинениях выдающихся польских историков Яна Длугоша (Jan Długosz, 1415–1480) и Мачея Стрыйковского (Maciej Strykowski, 1547–1590), содержащих обстоятельное описание истории русских земель.

Соображения о происхождении русских источников хроники Длугоша высказывались как отечественными, так и зарубежными учеными уже в первой половине XIX в. – Н.М. Карамзиным, Р. Роепелем и др. Однако глубокая проработка данного вопроса была осуществлена лишь исследователями второй половины XIX столетия, продолжена в XX в., сохраняется к нему интерес научного сообщества и в наше время. Впервые выборка «русских» известий Длугоша (охватившая период с

древнейших времен до 1386 г.) была осуществлена К.Н. Бестужевым-Рюминым, который опубликовал в приложении к своей монографии «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) фрагменты хроники этого польского историка, заимствованные из летописных памятников, нашел соответствия этим фрагментам в русских летописных памятниках, а также частично перевел их на русский язык [1. С. 64–378]. Вместе с тем в работе К.Н. Бестужева-Рюмина не было проведено глубокого источниковедческого анализа «русских» известий Длугоша и даже не давалось их общей характеристики. Этим вопросам в своих работах уделили внимание польский исследователь А. Семкович и русский ученый А.А. Шахматов.

А. Семкович был автором «критического разбора» первых десяти книг хроники Длугоша (доведен до 1384 г.), в котором были подробно проанализированы источники «русских» известий этого польского историка. Комментариям погодных статей Длугоша предшествовала обстоятельная характеристика важнейших групп источников этого историка. Летописные памятники вызвали у А. Семковича наибольшие сложности: он не берется определить происхождение всего комплекса русских источников хроники, ограничившись констатацией того, что «все они восходят к одному и тому же основанию, а именно к хронике Нестора» [2. С. 52]. Аргументы своих предшественников, называвших в разное время источниками Длугоша Ростовскую (Н.М. Карамзин), «Пушкинскую» (Р. Роепель), Троицкую и Радзивилловскую (Х. Зайсберг) летописи, А. Семкович считает неубедительными и, со своей стороны, приводит доводы в пользу невозможности достоверно определить происхождение летописных сводов, которые были источниками «русских» известий польского хрониста. Польский ученый называет в качестве причин, затрудняющих работу исследователя этого вопроса, искажения летописных свидетельств Длугошем вследствие плохого знания им русского языка, произвольные сокращения летописных свидетельств и объединения в одних и тех же фрагментах описаний событий разного времени, а также полное незнание летописной хронологии.

Польский исследователь приходит к выводу об использовании Длугошем «собственно» летописи Нестора в качестве источника «русских» известий о событиях, произошедших до 1112 г., который, по его оценке, «сознательно изменяя или утаивая детали, невыгодные для Польши», а также соединяя в своей хронике ее свидетельство со свидетельствами польских источников, нередко соединял в единой целое события, которые «ни хронологически, ни логически не могли быть соединены». Период с 1117 по 1239 г., как полагает

А. Семкович, Длугошем освещался по памятникам, созданным «продолжателями» Нестора, в числе которых выделяются Лаврентьевская, Троицкая и Радзивилловская летописи, а после 1239 г. в качестве важнейшего летописного источника ученым характеризуется летописный памятник, «близкий Ипатьевскому и Волинскому сводам» [2. С. 54]. Детально влияние этих памятников прослеживается в комментариях к «погодным» статьям хроники. Вместе с тем польский исследователь также особо выделяет те «русские» известия, которые не находят отражение ни в одном из известных в его время (работа А. Семковича была опубликована в 1877 г.) летописном памятнике, характеризуя их как «Перемышльскую» летопись (*latopis przemyski*), и относит такие свидетельства к неразрешимым загадкам хроники Длугоша [2. С. 53].

Влияние русских летописей на Длугоша, по заключению А. Семковича, прослеживается лишь в первых семи книгах хроники (последнее летописное известие датируется 1288 г.). В дальнейшем этот польский исследователь констатирует наличие огромного, почти 100-летнего разрыва между представленными Длугошем свидетельствами, заимствованными из «чисто» русских летописных памятников и «летописей литовских». Влияние последних на польского хрониста А. Семкович отмечает лишь при описании событий двух заключительных десятилетий XIV в. и последующего времени. Во всей IX книге сочинения Длугоша польский исследователь не находит «ни одной детали, которая бы была заимствована из русских хроник».

А. Семкович также предпринимает попытку связать отдельные известия по истории восточно-славянских земель, находившихся под политическим контролем Великого княжества Литовского, с двумя летописными памятниками литовско-русского происхождения, введенными в научный оборот польскими учеными в первой половине XIX в., называемыми по именам их издателей «хрониками» Даниловича (иначе: Супрасльская летопись) и Нарбута (иначе: Хроника Быховца). При этом исследователем высказывается предположение о том, что «Длугош использовал неизвестную летопись, происходящую с того же самого источника, что и летописи, открытые Даниловичем и Нарбутом», так как не обнаруживает прямых соответствий заимствований из этих литовско-русских летописей его хроники с текстом какого-то одного из открытых в XIX в. памятников [2. С. 55]. Таким образом, вопрос литовского летописного источника «русских» известий Длугоша А. Семкович также оставляет открытым.

А.А. Шахматов в монографии «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908) критически относится к достижениям своих предшественников и подробнейшим образом анализирует летописные источники Длугоша, предпринимает попытку определить взаимное отношение друг к другу отдельных списков и сводов, имевшихся в распоряжении этого польского историка. Исследователь приходит к выводу о том, что Длугош ограничился использованием лишь нескольких, «трех или четырех русских летописей» [3. С. 341]. Основным источником польского хрониста А.А. Шахматов называет «общерусский по содержанию и составу своему свод», включавший как статьи, восходившие

к «Повести временных лет», так и известия, вошедшие в состав киевской и суздальской летописей [3. С. 342]. При этом ученый не берется указать на определенный летописный памятник, «вполне соответствовавший тому составу, который предполагается общерусским источником Длугоша», однако предполагает что основным источником его «выборки» мог быть общерусский свод 1423 г. [3. С. 343]. Вместе с тем «русские» известия в пределах XII и начала XIII в. А.А. Шахматов склонен возводить к своду, сходному с Лаврентьевской летописью [3. С. 345], которая признана ученым главным источником представлений Длугоша о событиях русской истории до XI в. включительно.

Вторым по значимости летописным источником Длугоша А.А. Шахматов считает летопись XIII в., названную им «Галичской» (соотнесена с Перемышльским летописцем А. Семковича), которая, по мнению ученого, частично вошла в состав Ипатьевской летописи и общерусского свода начала XIV в. Именно к этому источнику А.А. Шахматовым отнесены «русские» известия, не известные составителям общерусского свода 1423 г., главным образом касавшиеся событий в истории русско-польских приграничных отношений XII и XIII вв. Русский ученый также высказывает гипотезу о влиянии «Галичской» летописи на «русские» фрагменты Длугоша IX–XI вв. и объясняет именно привлечением этого источника расхождения со свидетельствами Лаврентьевской летописи [3. С. 352].

Таким образом, в заслугу А.А. Шахматову можно поставить прежде всего попытку определения летописного источника Длугоша, альтернативного «Повести временных лет», и продолжавших ее памятников, в результате чего были выдвинуты предположения, не подтвержденные открытием конкретных памятников (каких-либо памятников, указывавших на существование «Галичской» летописи, не было открыто, и потому этот памятник так и остался лишь «гипотетическим» сводом). Впрочем, сам А.А. Шахматов отмечал вводный характер своих «замечаний», полагая изучение Длугоша «со стороны русских источников» делом будущего, видел в этом задачу последующих поколений исследователей. Изыскания в интересующем нас направлении были значительно активизированы в связи с переизданием оригинального латинского текста и современного польского перевода хроники Длугоша, а также публикацией «русских» фрагментов первых шести книг его сочинения в России.

Изучению вопроса использования Длугошем особого русского летописца были посвящены работы Е. Перфецкого и М.Н. Тихомирова. Украинский историк Е. Перфецкий предпринял попытку реконструировать этот памятник посредством сравнения «русских» известий, содержащихся в хронике Длугоша, «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, при этом он называет его, следуя А. Семковичу, «Перемышльским» сводом [4. С. 105–110; 5. С. 31–45]. Результаты изысканий Е. Перфецкого, определившего «Перемышльский» свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, были поставлены под сомнение М.Н. Тихомировым, который со своей стороны высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по времени

возникновения по сравнению с вышеупомянутыми памятниками летописного источника, содержавшего сведения о древнейшей истории Руси, который был доведен до смерти Владимира Святого.

Попытка реконструкции этого предполагаемого источника Длугоша была осуществлена М.Н. Тихомировым посредством выявления в тексте хроники тех «русских» известий, которые содержательно не согласуются с «русскими летописными данными», прежде всего с открытыми летописными памятниками, восходящими к «Повести временных лет». Эти расхождения, которые скрупулезно перечислены в работе М.Н. Тихомирова, для исследователя являются свидетельством наличия у Длугоша источника, заключавшего в себе «особую традицию», но в то же время состоявшего в непосредственной связи с «Повестью временных лет» и Новгородской I летописью. Тем самым отрицается сама возможность заимствования Длугошем свидетельств из этих памятников и на этом основании пересматривается ключевой тезис гипотезы Е. Перфецкого о производности «Перемышльского» свода, хотя М.Н. Тихомиров и соглашается с высказанным этим ученым предположением об использовании польским историком этого памятника не в первоначальном виде, а в составе более поздней компиляции. При этом М.Н. Тихомиров не сомневается в южно-русском, а точнее киевском происхождении предполагаемого русского летописца, использовавшегося Длугошем, считая основанием для такого вывода особое внимание хрониста к событиям в южной Руси, прежде всего основанию Киева, о котором упоминается раньше, нежели описывается сюжет призвания варяжских князей в Новгород, отсутствие упоминаний об Олеге и ряд других особенностей [6. С. 235].

Еще одним основанием для выделения русского летописца Длугоша в качестве особого памятника М.Н. Тихомиров называет игнорирование польским хронистом хронологии «Повести временных лет»: датировка описываемых событий, как замечает исследователь, появляется достаточно поздно (с 968 г.) и при этом не совпадает с датировкой сохранившихся до нашего времени летописных памятников. Этот аргумент для концепции советского ученого крайне важен, поскольку подкрепляет высказанную в свое время А.А. Шахматовым гипотезу об искусственности внесенных в текст русской начальной летописи погодных дат. Таким образом, летописный источник Длугоша, реконструкция которого могла быть осуществлена посредством анализа его «русских» известий, относящихся к X в., по мнению М.Н. Тихомирова, мог послужить основанием для пересмотра многих устоявшихся взглядов на историю русского летописания в целом [6. С. 237].

Спектр летописных источников, рассматривавшихся в качестве вероятных источников «русских» известий Длугоша, был существенно расширен в результате изысканий, проведенных Ю.А. Лимоновым: помимо Лаврентьевской (Троицкой), Ипатьевской и западно-русских летописей этот исследователь также был склонен относить к их числу Софийскую I летопись, в которой отразились своды 20-х гг. XV в. и Московский свод 1480 г., содержащий наиболее полное собрание известий о событиях XII–XIII вв., а также Ермолин-

скую летопись [7. С. 11]. Этот ученый полагал наиболее вероятным использование Длугошем не множества летописей, а одного памятника, созданного в современную ему эпоху, на что, по его мнению, указывали случаи объединения не только в одном «погодном» сообщении, но даже в одной фразе свидетельств, заимствованных из разных летописных памятников. Ю.А. Лимонов предполагает, что «русский источник Длугоша уже соединял чтения многих памятников, был сложным по своему составу» и включал различные заимствования из летописей в зависимости от освещаемой эпохи. Так, текст хроники до XII в., согласно выводам Ю.А. Лимонова, основывался на «Повести временных лет» третьей редакции «с некоторыми дополнениями из юго-западных сообщений». Текст за XII в. – на известиях, близких сообщениям Московского летописного свода 1480 г., а также Лаврентьевской и Ипатьевской летописям с добавлением цикла юго-западных галицких известий. Текст за XIII в., помимо все тех же Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, также содержал заимствования, относящиеся к русской летописи, посвященной Галичу, которые не находили себе параллелей в каких-либо сохранившихся памятниках [7. С. 94]. Наконец, «русские» известия Длугоша XIV и XV вв., как полагает Ю.А. Лимонов, были близки сообщениям западно-русских летописей и свода 1480 г.

Выводы Ю.А. Лимонова были подвергнуты критике Б.М. Клоссом, автором вводной статьи к публикации современного перевода на русский язык известий Длугоша об истории русских земель, содержащихся в первых шести книгах его труда. Этот исследователь также высказал свои предположения о составе русских источников польского хрониста. По его мнению, Длугошу могли быть доступны памятники четырех типов: (1) летопись типа Лаврентьевской; (2) памятник из семейства Софийской I – Новгородской IV летописей (вероятно, одна из переработок относящегося к нему свода митрополита Фотия, оказавшихся на территории Литвы [8. С. 43]); (3) южнорусский источник XIII в., сходный с Ипатьевской летописью и отражающий южно-русскую (галицко-волынскую) традицию, а также (4) западно-русская летопись, которая была привлечена для описания событий конца XIV в. Б.М. Клосс в своем исследовании настаивает на использовании Длугошем смоленских редакций упомянутых русских летописей, что относится как к южно-русскому источнику, так и летописному своду новгородско-софийского происхождения [8. С. 52].

Гипотезы упомянутых выше авторов, несмотря на критические замечания, высказанные в их адрес, несомненно, обогатили научные представления о летописных памятниках, использовавшихся Длугошем при написании хроники, однако не позволили окончательно ответить на вопрос о происхождении «русского» протографа, ставшего источником его сочинения. Идентификация источников «русских» известий польского хрониста по ряду позиций вызывала и будет вызывать сомнения, прежде всего, потому, что его хроника не была компилятивным произведением, в связи с чем отдельные ее свидетельства вовсе не подтверждаются русскими источниками, а в иные польский историк произвольно вносил изменения, существенно изменяя

летописное сообщение. Прежде всего, мы имеем в виду те сообщения польского историка, которые не согласуются с общепринятыми трактовками описываемых событий в русских летописях. Эти реляции, как правило, были результатом амплификаций Длугоша, литературного «развертывания» им того или иного конкретного сюжета, в основу которого могли быть положены заимствованные из источников упоминания о фактах или событиях, но при этом фабула сюжета нередко претерпевала значительные изменения вследствие подчинения описания задаче доказательства тех или иных конъюнктурных идей.

Русские летописные источники также сыграли определяющую роль в создании концепции истории русских земель Мачея Стрыйковского. В заслугу этому автору можно поставить прежде всего существенное расширение спектра летописных памятников, привлеченных для написания им хроники и других исторических сочинений. Эти памятники можно разделить на две группы: с одной стороны, «чисто» русские летописи, близкие по происхождению источникам Длугоша, с другой – памятники литовско-русского происхождения, использование которых позволило описать историю тех восточно-славянских земель, которые были подчинены литовским князьям.

К первой группе источников самим историком относятся «4 старые киевские хроники» (*Kijowskie kroniki stare 4*), «старые русские хроники» (*Ruskie kroniki stare*) и «московская история» (*Moskiewskie dzieje*). Какие именно летописные памятники были использованы при написании хроники, Стрыйковский не сообщает. А.И. Рогов пришел к выводу, что большая часть летописей, использовавшихся польским автором, находилась в частных собраниях князей Заславских и Слуцких, а также Яна Ходкевича, который был опекуном Супрасльского монастыря, тесно связанного с Киево-Печерским монастырем – крупнейшим центром западно-русской книжности того времени [9. С. 31–32]. Эти возможности, по мнению А.И. Рогова, позволили польскому автору познакомиться с «Повестью временных лет» через посредство Новгородско-Софийского свода 1448 г., Тверской летописи и Летописца Переяславля Суздальского [Там же. С. 108]. Именно они, как полагает исследователь, составляли летописную основу «русских» известий Стрыйковского, благодаря чему реляции этого польского автора оказались гораздо содержательнее сообщений Длугоша [9. С. 110].

Интереснейшим источником познаний Стрыйковского об истории Руси А.И. Рогов называет «русскую хроничку» – не сохранившийся до наших дней в составе летописных сводов «особый русский летописец», описывавший события второй половины XI – начала XII в. (открывается известием о смерти князя Ярослава Владимировича) [9. С. 83]. Источником для составителя хронички, по мнению А.И. Рогова, послужили Печерская летопись и ряд других памятников [Там же. С. 117–118]. Не вполне ясно, что именно подразумевал Стрыйковский под «киевскими летописями» и «московской историей», фигурирующими в реестре источников его хроники. По всей видимости, определение «киевский» применительно к источнику исторических сведений употребляется в данном случае как синоним

определения «русский», поскольку в тексте хроники первого словосочетания мы ни разу не встречаем. Упоминая о «московской истории», Стрыйковский, очевидно, имел в виду не какой-либо конкретный памятник, а всю совокупность исторических свидетельств московского происхождения, использовавшихся преимущественно при написании заключительных книг своей хроники. О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скупым оговоркам историка. Так, по словам Стрыйковского, в его распоряжении находилась некая «старая московская хроника» (*stara kronika Moskiewska, której ja też exemplarz mam*), содержание которой польский автор даже соотнес с содержанием исторического очерка в составе записок Герберштейна и сумел выявить между ними сходство [10. С. 128]. О наличии в арсенале источников Стрыйковского каких-либо иных московских памятников нам ничего не известно.

Ко второй группе летописных источников Стрыйковского относятся так называемые литовско-русские летописи, к которым он получил широкий доступ также благодаря содействию покровительствовавших ему магнатов и церковных иерархов Великого княжества Литовского. Вопрос соотнесения известий польского историка со свидетельствами литовско-русских летописных памятников привлек внимание исследователей в связи с открытием в 20-х гг. XIX в. польскими учеными Т. Нарбутом и И. Даниловичем двух «хроник», первоначально названных их именами, а ныне известных как хроника Быховца и Супрасльская летопись. Содержание этих памятников во многом перекликалось со свидетельствами сочинений Стрыйковского. Вместе с тем мнения исследователей, сопоставлявших эти источники, разделились. Так, Т. Нарбутом и было высказано мнение о том, что именно список хроники Быховца являлся основным источником тех фрагментов сочинений Стрыйковского, которые были посвящены литовско-русской истории [11. С. 579]. И. Данилович выделяет в качестве «чисто-литовских» источников этого автора две летописи, названные им «древними». Первая из них не соотносится с памятниками, известными современникам, – о ее существовании исследователь делает вывод на основании свидетельств самого Стрыйковского [12. С. 82]. Вторую «древнюю» летопись, использованную Стрыйковским, И. Данилович прямо называет «Литовской летописью Быховца», считает ее той самой летописью, которая была получена историком от князей Заславских (полагая, в связи с этим, что летописец Быховца более справедливо было бы называть «Заславским») [Там же. С. 92], и вслед за Т. Нарбутом склонен признавать ее лучшим и наиболее полным источником «литовско-русских» известий Стрыйковского [12. С. 89].

И.А. Тихомиров, проанализировавший заимствования Стрыйковского из литовско-русских летописей, пришел к выводу, опровергнувшему гипотезу Т. Нарбута и И. Даниловича, в частности, их тезис о непосредственном использовании польским историком текста летописца Быховца. По мнению И.А. Тихомирова, в распоряжении Стрыйковского были различные редакции литовских летописей, нередко превосходившие по полноте сохранившиеся памятники, в том числе и летописец Быховца [13. С. 89]. Использование Супрасль-

ской летописи Стрыйковским исследователь и вовсе отрицает [13. С. 90], а при осуществлении подробного обзора «литовских» известий находит соответствия свидетельствам польского историка в ряде других открытых ко времени написания его работы (1901 г.) летописных памятников литовско-русского происхождения, в числе которых, помимо летописца Быховца (Нарбута), чаще других упоминаются открытая в 1846 г. О.М. Бодянским «Познанская» рукопись (иначе: список Рачинского), летопись Археологического общества и рукопись Красинского. Из них исследователь выделяет летописи Быховца и Красинского, усмотрев в них наибольшие сходства с текстом хроники, что дает ему основание полагать, «что первая летопись Стрыйковского – одно и то же с летописью, сохраненной в рукописи Красинского, а вторая – с изданной Нарбутом» [13. С. 87].

Отечественные ученые второй половины XX в. Н.Н. Улащик и А.И. Рогов, scrupulously исследовавшие литовско-русские летописи, так же как и И.А. Тихомиров, пришли к выводу, что Стрыйковский не использовал непосредственно текст открытой Т. Нарбутом летописи, а имел в своем распоряжении несколько летописцев «типа Быховца», очень близких ему по содержанию и соединявших черты той или иной разновидности известных нам летописей [9. С. 128, 130; 14. С. 19]. В числу таковых, помимо упомянутых выше списков Археологического общества, Рачинского и Красинского, А.И. Роговым и Н.Н. Улащиком была отнесена также неизвестная И.А. Тихомирову Евреиновская летопись, опубликованная в составе XVII (1907) и XXXV (1980) томов Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).

Таким образом, при определении литовско-русских источников Стрыйковского целесообразно находить соответствие летописных памятников применительно к каждому конкретному свидетельству. При этом некорректно было бы назвать какой-либо из известных нам памятников основным источником сочинений польского историка. По всей видимости, им использовался не сохранившийся до нашего времени протограф летописца Быховца (поскольку именно в этом источнике обнаруживается более всего соответствий с хроникой Стрыйковского), включавший также отдельные свиде-

тельства, которые позже могли быть перенесены в литовско-русские летописные памятники, сохранившиеся до наших дней. Данная гипотеза нашла подтверждение в исследованиях Н.Н. Улащика и А.И. Рогова, осуществивших источниковедческий анализ «литовско-русских» известий хроники Стрыйковского на предмет заимствований им свидетельств из летописей литовско-русского происхождения [9. С. 123–258; 15. С. 82–129].

Н.Н. Улащик дополнил и развил упомянутое выше предположение А.И. Рогова о наличии у Стрыйковского нескольких летописцев «типа Быховца», со своей стороны высказав предположение о схожести или даже идентичности протографов летописца Быховца и не дошедшей до нас летописи князей Заславских, которая была названа им Берестовицкой (по местности Великая Берестовица, где ее список был передан Заславскими Стрыйковскому [15. С. 91]). Возникшую незначительную разницу между содержанием этих двух источников Н.Н. Улащик связывал с двумя обстоятельствами: с одной стороны, объяснил ее тем, что их гипотетический протограф при списывании с него Берестовицкой летописи «был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быховца»; с другой стороны, в качестве причины различий в содержании Берестовицкого списка, напрямую переданного Стрыйковским, и летописца Быховца указал последующий перевод их гипотетического общего протографа, изначально созданного на старобелорусском языке (термин Н.Н. Улащика), на польский язык [15. С. 94]. Эти выводы могут быть основанием для оценки открытых и опубликованных в XXXII и XXXV томах ПСРЛ летописей литовско-русского происхождения в качестве источников, весьма близких летописным памятникам, использованным Стрыйковским при создании концепции истории русских земель, но не идентичных им. В этой связи объяснимы различия в описании отдельных сюжетов русской истории между хроникой этого польского историка и доступными нам летописями. В числе последних ближе всего к летописным источникам Стрыйковского оказываются летописец Быховца, Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская летописи, а также списки Рачинского и Красинского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русские известия* Длугоша до 1386 г. (по изданию 1711 г.) // Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. Приложение. СПб., 1868.
2. *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887.
3. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
4. *Perfecki E.* Historia Polonica Jana Długosza a ruské letopisectví / E. Perfeckij // *Práce Slovanského ustavu v Praze*. 1932. Sv. 7.
5. *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Т. 149. Львів, 1928.
6. *Тихомиров М.Н.* Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // *Исторические связи России со славянскими странами и Византией*. М., 1969.
7. *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.
8. *Клюсс Б.М.* Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). М., 2004.
9. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.
10. *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. [...]. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582.
11. *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838. T. III.
12. *Данилович И.* О литовских летописях // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Т. 28., ноябрь 1840.
13. *Тихомиров И.А.* О составе западно-русских, так называемых литовских летописей // *Журнал Министерства Народного Просвещения*. Т. 335, май 1901.
14. *Улащик Н.Н.* Предисловие // *Хроника Быховца*. М., 1966.
15. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2011 г.

РЕКЛАМА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1880-е гг. – НАЧАЛЕ XX в.

Рассмотрены основные тенденции развития рекламного бизнеса в Восточной Сибири в 1880-е гг. – начале XX в., связь развития рекламы с ключевыми процессами социальной, экономической и культурной жизни общества. Рекламные процессы рассматриваются в динамике на примере отдельных периодических изданий. Выделяется классификация рекламы.

Ключевые слова: реклама; периодическая печать; социальное и экономическое развитие.

В последней четверти XIX в. реклама в России вступила в стадию активного роста. Развитию рекламного дела способствовали общие тенденции социально-экономической жизни России и Восточной Сибири в 1880-е гг. – начале XX в. В частности, развитие торговых отношений Сибири с Европейской частью России, а также с Китаем и Монголией, рост сибирских городов, развитие торговли в городах, рост численности торговых заведений (складов, магазинов, лавок) – все эти факторы исключительно положительным образом стимулировали рекламные процессы не только в количественном, но и в качественном отношении. Строительство Сибирской железной дороги и связанный с ним рост золотопромышленности способствовали развитию торговли в сибирских городах, а следовательно, активизировали и рекламу. Следствием общих социально-экономических процессов стала коммерциализация прессы и появление ряда новых периодических изданий.

С момента издания Временных правил о печати 1865 г. во всех печатных изданиях появился раздел «Объявления», содержащий в шапке подробные сведения об условиях публикации и адреса приемных пунктов, что было исключительно информативно для организации рекламного бизнеса. Реклама в прессе в конце XIX – начале XX в. располагалась во второй, «неофициальной» части издания. Важнейшую часть доходов дореволюционных газет составляли доходы от рекламы. За строчку петита на первой полосе российских газет цена колебалась в пределах от 40 до 80 коп. [1. С. 61].

По своему объему периодические издания Восточной Сибири были неоднородны. Газета «Иркутские губернские ведомости» в 1880-е гг. в объеме достигала 32 страниц. Газета «Сибирь» составляла в тот же хронологический отрезок времени порядка 16 страниц, как и «Восточное обозрение». Газета «Енисейские губернские ведомости» отличалась от официального издания Иркутской губернии и насчитывала в среднем не более 16 страниц, т.е. половины от объема «Иркутских губернских ведомостей».

В 1890-е гг. отмечается общая тенденция к сокращению объема периодических изданий Восточной Сибири. Так, объем «Иркутских губернских ведомостей» сокращается до 10–12 страниц, объем остальных печатных изданий в среднем составлял порядка 8–10 страниц, т.е. примерно выровнялся по всем изданиям.

На рубеже XIX–XX вв., примерно с 1900 г., средний объем всех периодических изданий региона составил 4–6 страниц.

Размер рекламной площади в разных газетах Восточной Сибири в период с 1880 по 1915 г. был неоднороден, однако можно проследить общую тенденцию увеличения рекламной площади в рассматриваемый

период с 10% в 1880 г. до 50% в 1900–1905 гг., достигнув максимального размера. Примерно после 1905 г. до 1915 г. начинается медленное снижение объемов рекламы в периодике с 50 до 25–10% в зависимости от издания.

Итак, своего апогея реклама на страницах периодической печати Восточной Сибири достигает именно на рубеже двух столетий в 1900 г., занимая не менее (а иногда и более) 50% от общего объема газеты. Тогда же реклама агрессивно выходит на первые газетные полосы. Красочная реклама, призывающая приобрести элитные французские вина, коньяки, бриллианты или отдохнуть на курорте, сходить вечером в театр, или приобрести «чудодейственный бальзам от облысения», вытеснила публикации официального характера, указы и распоряжения Его Императорского величества, мировые новости на дальний план, вглубь издания. Реклама во всех периодических изданиях теперь стала располагаться на первой и последней страницах.

Однако отметим, что раньше всех других изданий рекламу на первые полосы стали «выпускать» именно частные газеты. В 1880-е гг. одним из первых в Российской империи газета «Голос» выносит рекламные объявления на первую полосу. В Восточной Сибири таким «первопроходцем» стала газета «Сибирь», на первой странице которой, задолго до 1900 г., в отличие от газет официального характера («Иркутские губернские ведомости» и «Енисейские губернские ведомости»), появилась реклама еще в 1880-е гг.

В 1900-е гг. реклама на первой полосе занимает от ½ до 1 полосы полностью. А.П. Киселев приводит показательное «руководство для типографщиков», изданное в 1874 г., где говорится: «Чтобы определить пространство для литературной части, нужно сначала сверстать объявления и сообразно оставшемуся месту прибавить или убавить статьи» [2. С. 136].

По свидетельствам исследователей, на этот период – высшего подъема экономики в России – падает расцвет рекламы, связанный с ростом ее доходов. В 1896 г. доходы от публикации объявлений составили: в «Новом времени» – 499 807 руб., в «Петербургской газете» – 305 812 руб., в «Московских ведомостях» – 275 190 руб., в «Петербургском листке» – 157 745 руб., в «Биржевых ведомостях» – 131 381 руб., в «Санкт-Петербургских ведомостях» – 68 862 руб. [3. С. 141].

Динамику рекламных площадей в отдельных изданиях можно представить следующим образом.

В газете «Иркутские губернские ведомости» объем рекламных объявлений составил в 1881 г. – 8%, в 1885 г. – 10%, в 1890 г. – 12,5%, в 1895 г. – 25%, в 1900 г. – 50%, в 1905 г. – 50%, в 1910 г. – 25%, в 1914 г. – 25% [4].

Таким образом, отмечается положительная динамика роста объема рекламной площади с 8% в 1881 г. до 50% в 1900–1905 гг., достигнув максимального размера. С 1905 по 1915 г. отмечается снижение объемов рекламной площади в газете «Иркутские губернские ведомости» с 50% в 1905 г. до 25% в 1915 г.

В газете «Сибирь» объем рекламных объявлений менялся следующим образом: в 1881 г. объем рекламы занимал 25% от общей газетной площади, в 1885 г. – 28%, в 1890 г. – 33%, в 1895 г. – 35%, в 1900 г. – 50%, в 1905 г. – 50%, в 1910 г. – 50%, в 1915 г. – 30% [5].

В газете «Сибирь» также можно отметить положительную динамику в росте объемов рекламных площадей в структуре издания. Однако, в отличие от «Иркутских губернских ведомостей», так называемые «стартовые» показатели объемов в 1881 г. были выше: 25% в «Сибирь» против 8% в «Иркутских губернских ведомостях». Очевидно, это можно объяснить характером издания – частным, а не официальным. Наивысший пик в динамике объема рекламы отмечается также в 1900 г., как во всех без исключения рассматриваемых печатных изданиях Восточной Сибири. Однако после 1905 г. не отмечается спад в объеме рекламы, как в официальном печатном органе Иркутской губернии. В 1910 г. объемы рекламных площадей остаются стабильно высокими, и только к 1915 г., в соответствии с общей тенденцией, отмечается незначительное, до 30%, сокращение объемов рекламы.

В газете «Восточное обозрение» отмечается следующая тенденция: в 1881 г. объем рекламных объявлений составил 10% от общего объема газеты, в 1885 г. – 12%, в 1890 г. – 20%, 1895 г. – 30%, 1900 г. – 50%, 1905 г. – 50%, в 1910 г. – 45%, в 1915 г. – 45% [6].

Таким образом, отмечается стабильная положительная динамика в росте объемов рекламы в данном печатном органе: с 10% в 1881 г. до 50% в 1900 г., высшего пика в рассматриваемый период времени. Для «Восточного обозрения» характерен тот факт, что объемы рекламы резко не снижаются после 1905 г., как в других изданиях Восточно-сибирского региона, незначительно теряя 5% (до 45%) в 1910–1915 гг.

С 1905–1907 гг. не только сокращается объем рекламной площади, но и меняется месторасположение: реклама исчезает с первых полос, уступая место важным политическим новостям. Она вновь занимает последние страницы изданий.

Еще одним показателем, характеризующим рекламный процесс, является так называемая местная и привозная реклама.

В целом по всем периодическим изданиям Восточной Сибири можно отметить следующее.

В 1880-е гг. «привозная» реклама занимала примерно 70% от общего объема рекламы, остальные 30% – местная. В 1890-е гг. местная реклама составляла не больше 10%. В 1900-е ситуация изменилась – реклама товаров или услуг местного производства стала занимать порядка 50–70%, составив конкуренцию товарам и услугам «столичным», из Москвы и Санкт-Петербурга.

По своей внутренней классификации рекламу на страницах периодической печати можно разделить на три основные группы.

Реклама, касающаяся финансовой сферы, включает в себя уведомления о банкротствах, о продлении или

завершении сроков договоров, о вызове кредиторов, должников, наследников, отдаче в наем, продаже с публичного торга, о принудительной распродаже имений с торгов и т.п.

Определенную часть составляли объявления частного характера, например о продаже личного имущества.

Наиболее многочисленную группу составляли объявления о продаже товаров и услуг, в частности реклама печатной продукции (книг, периодики), реклама одежды и галантереи, реклама парфюмерно-косметической продукции, реклама алкогольной и табачной продукции, товаров для дома, реклама благотворительных акций и некоторые другие.

В разные периоды с 1880-х по 1915 г. разные рекламные отрасли занимали большее или меньшее место в общем рекламном потоке. Однако возможно выделить общие тенденции.

Так, в 1880-е гг. основную нишу (более 50%) на рекламном рынке занимала реклама печатной продукции (книг и периодики).

В 1890-е гг. рекламу печатной продукции стала теснить реклама парфюмерно-косметических товаров. Высокое процентное соотношение рекламы косметической продукции было не столько результатом высокого удельного веса отрасли в экономике, ее значимости, сколько последствием общих социально-экономических тенденций.

Спрос на парфюмерию и косметику появился по тем же причинам, что и на мануфактурные товары высокого качества, красивые модные дамские и мужские наряды для посещения публичных мероприятий, балов и приемов, на галантерейную продукцию – кожаные перчатки, шляпки, зонты и прочую атрибутику городской светской жизни. Росла численность сибирских городов, менялся их облик, становился более европейским. Парфюмерия из Франции завоевывала российский рынок, о чем живо свидетельствовала реклама того периода. Спрос рождал предложение, и предложение не заставляло себя ждать.

Реклама парфюмерно-косметической продукции, имея невероятные масштабы ее распространения в кратчайшие сроки, отражала отнюдь не реальные экономические показатели развития этой отрасли в российской экономике, а скорее новые веяния в моде, новые ориентиры в культурном и духовном развитии общества, сдвиги в социально-экономической структуре общества. Внешняя красота, эстетическая привлекательность, здоровый внешний вид постепенно стали входить в моду, свидетельствовать об успешности личности, что, является, пожалуй, одной из сопутствующих характеристик капиталистического общества, по которому продолжала развиваться Россия.

В период с 1900 по 1905 г. реклама печатной продукции была почти абсолютно вытеснена с рынка. На первое место вышла реклама в сфере услуг (50–70%). На первых полосах регулярно размещались афиши местных театров, реклама развлекательных заведений, курортов и т.п.

Однако примерно с 1905 г. отмечается смена позиций: к 1909–1912 гг. реклама печатной продукции вновь завоевывает рынок, занимая от 50 до 100% рекламной площади в газетах.

С 1914 г. рекламное место в печати стали между собой делить реклама периодических изданий и благотворительных акций. Наиболее широкомасштабная реклама благотворительных акций стала проводиться на страницах местной периодической печати в связи с началом Первой мировой войны. Благотворительные акции организовывало Иркутское отделение Красного Креста. В объявлении от 1 октября 1914 г., опубликованном в «Иркутских губернских ведомостях», председатель ко-

митета Красного Креста А. Римский-Корсаков обращался к населению г. Иркутска и Иркутской губернии с призывом оказать как материальную, так и денежную помощь для оборудования Иркутского лазарета [7. С. 1].

Таким образом, реклама способна выступать индикатором развития определенных социально-экономических и даже политических процессов в стране, отражать нравственные ценности, превалирующие в культурной и духовной жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать. М., 1967.
2. Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917 гг.). М., 1990.
3. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. М, 1984.
4. Иркутские губернские ведомости. 1881–1914.
5. Сибирь. 1881–1915.
6. Восточное обозрение. 1881–1915.
7. Иркутские губернские ведомости. 1914. № 243.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 августа 2011 г.